
РИСКОГЕННОЕ ОБЩЕСТВО В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛЬНЫХ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ СТРАТЕГИЙ

Яскевич Я. С.

д. ф. н., профессор, директор Института социально-гуманитарного образования БГЭУ (Минск).

E-mail: Yaskevich@bseu.by

Выявляются статус и специфика политического риска в условиях глобализации, его взаимодействие с экономической политикой национальных государств, рассматриваются содержательные модели современных геополитических сценариев в контексте синергетической методологии.

Ключевые слова: *геополитика, геополитический риск, глобализация, новое мироустройство, политический риск, рискогенное общество, синергетическая методология.*

The status and specifics of political risk in the conditions of globalization, its interaction with economic policy of the national states are defined. The substantial models of modern geopolitical scenarios in a context of synergetic methodology are considered in the paper.

Keywords: *geopolitics, geopolitical risk, globalization, new world order, political risk, risk society, synergetic methodology.*

Противоречивая, конфликтная и рискогенная модель современного социального развития постулирует сегодня формирование нового мироустройства, ориентированного на моральный императив, спецификацию новой риск-стратегии национальных государств, признание современного общества «позднего модерна» обществом риска и трактовкой риска как положительного феномена, понимание рискогенности современности, для которой характерны неопределенность и увеличивающийся индетерминизм социальных структур и социальных агентов. Для минимизации рисков, их регулирования и обеспечения безопасности в обществе риска прежде всего важно признание утверждения о невозможности полного отсутствия рисков в обществе; необходимо организованное социальное взаимодействие управляющих и управляемых субъектов, опосредованное социальными нормами, ценностными регулятивами и конкретными социальными условиями; формирование механизмов управления и нивелирования рисков, экспертной оценки рискогенности конкретного общества и обеспечения его безопасности [Гидденс 2004: 4–9].

Основополагающий момент в исследовании риска – неопределенность, которую нельзя элиминировать, устранить полностью, однако можно существенно снизить, привлекая различные средства – от всестороннего информационного обеспечения до соответствующей нравственной и психологической подготовки лидеров в экономической политике, субъектов принятия решений в различных социальных сферах. Риск как раз и является деятельностью, связанной с преодо-

лением неопределенности в ситуациях постоянного выбора, осуществляемого политиками, экономистами, менеджерами и другими субъектами социального действия. Именно в ситуациях неизбежного выбора имеется возможность количественно и качественно оценить вероятность достижения предполагаемого результата, неудач и отклонений от поставленной цели. Рациональное аналитическое отношение к исследованию проблемы риска, а также оперативное использование некоторых знаний и рекомендаций в социальной практике способствует обоснованию адекватной технологии поведения в реальных ситуациях политического риска, позволяет защитить зарубежные инвестиции компаний путем прогнозирования возможных рисков в условиях глобализации. Создание фундаментальной концепции риска предполагает междисциплинарный синтез различных теоретических моделей, отражающих закономерности и механизмы формирования рискованного мышления и поведения в различных сферах.

В соответствии с этим *методология риска должна строиться по типу открытой рациональности*, предполагающей поливариантность, многовекторность, отход от концепций жесткого детерминизма, отличающихся строго заданным характером всех без исключения связей и зависимостей и исключающих выбор альтернативы. Целью прикладных исследований риска является не полное устранение неопределенности, а по крайней мере снижение ее остроты, прогнозирование возможных негативных последствий развития этой неопределенности и стратегии деятельности. Отталкиваясь от этих подходов, рассмотрим взаимодействие политического риска и экономической политики в условиях глобализации и особенности геополитических сценариев развития современного рискогенного общества в контексте синергетической методологии.

Политический риск: специфика, виды, рейтинги

Методологический анализ политического риска следует проводить в контексте интеграции национальных государств в мировое экономическое и политическое пространство, в механизмы мирового разделения труда. С этой точки зрения *политический риск представляет собой вероятность нежелательных политических событий, учет которых необходим в экономике и политике*, то есть политический риск отражает вероятность как нежелательных политических событий деструктивного характера для бизнеса, так и вероятность острых политических событий, которые являются следствием деятельности правительственных структур, что характерно для ряда стран в современных условиях. Неслучайно политический риск рассматривается исследователями этого феномена *в тесной неразрывной связи со стратегией экономической политики*, развитием рыночных отношений, действиями национальных правительств, а также различных политических сил, партий, движений как внутри страны, так и за ее пределами, оказывающих воздействие на деятельность экономических субъектов.

Поиск критериев и механизмов снижения политического риска внутри страны, формирование «защитного пояса» от политического риска невозможны вне анализа международной компоненты, преодоления деструктивных процессов централизованного управления, обоснования альтернативных подходов, экономических и политических стратегий, разворачивающихся на авансцене мирового глобального развития. Ситуация неизбежного выбора своего исторического пути стоит сегодня перед многими странами и направлена на преодоление порой про-

являющейся неопределенности, нерешительности, экономической и политической нестабильности и цивилизационное вхождение в мировое экономическое пространство.

Для современных политиков, экономистов, специалистов в области риска важно учитывать сложившийся в международной практике подход, заключающийся в выделении трех основных уровней при анализе природы политического риска: мега-, макро- и микрориски.

Внешний, международный, или глобальный риск – *мегариск*, особенно остро заявляющий о себе в эпоху глобальных финансовых и экономических кризисов, влияющий на финансово-экономическую и социально-политическую деятельность всех стран. Внутренний, страновой – *макрориск*, под которым следует понимать нестабильность внутривнутриполитической обстановки страны, оказывающей влияние на результаты экономической деятельности в бизнесе, предпринимательских фирмах и структурах, в связи с чем возникает риск ухудшения их финансового состояния вплоть до банкротства. Особенно это сказывается на предприятиях различных форм малого и среднего бизнеса, поскольку напряженность политической ситуации в стране приводит к нарушению хозяйственных связей, ставит их на грань банкротства вследствие необеспеченности сырьем, материалами, оборудованием. Уровень отдельных субъектов (политиков, экономистов, предпринимателей и т. д.), отдельных фирм, партий, движений – *микрориск*, когда приходится принимать решения с учетом мега- и макрориска в конкретных структурных подразделениях страны.

Культурно-исторические, социально-политические, экономические, этнорелигиозные отношения внутри страны являются важнейшими компонентами мирового экономического и политического риска, то есть макрориск является составной частью мегариска. Принятие стратегических решений, обеспечение государственной безопасности на уровне макрориска нацелено на увеличение предсказуемости развития внешнеэкономических связей и гарантирование стабильности внешних операций отдельных национальных корпораций. Размещение капитала за границей, торговые операции отдельных национальных фирм и предприятий на уровне микрориска требуют от лидеров, осуществляющих политическую власть в государстве, выработки системы гарантий от политического риска, *элиминации неблагоприятных политических факторов в стране, где размещаются инвестиции, то есть анализ микрориска всегда должен упреждаться анализом и оценкой макрориска.*

Поскольку *политический риск* – это возможность возникновения убытков или сокращения размеров прибыли, являющихся следствием глобальной и национальной политики, он связан с возможными изменениями в курсе правительства, переменами в приоритетных направлениях его деятельности. Учет политических рисков особенно важен в странах с неустоявшимся законодательством, отсутствием прочных традиций и культуры предпринимательства.

Наряду с выделением мега-, макро- и микрориска в классификации политических рисков обращают внимание на четыре их группы:

- риск национализации и экспроприации без адекватной компенсации;
- риск трансферта, связанный с возможными ограничениями на конвертирование местной валюты;
- риск разрыва контракта из-за действий властей страны, в которой находится компания-контрагент;

- риск военных действий и гражданских беспорядков [Политические...].

Риск национализации на практике толкуется предпринимателями очень широко – от экспроприации до принудительного выкупа властями имущества компании или просто ограничения доступа инвесторов к управлению активами. При определении риска национализации сложность состоит в том, что в любой стране власти никогда не рекламируют возможность экспроприации или национализации. Как следствие, ни в одном документе юридически точно не определяется, чем, например, отличается национализация от конфискации.

Риск трансферта связан с переводами местной валюты в иностранную. Примером может служить ситуация, когда предприятие работает рентабельно, получая прибыль в национальной валюте, но не в состоянии перевести ее в валюту инвестора, чтобы рассчитаться за кредит. Причин может быть множество – например, принудительно длинная очередь на конвертацию.

Риск разрыва контракта предусматривает ситуации, когда не помогают ни предусмотренные в договоре штрафные санкции, ни арбитраж: контракт разрывается по не зависящим от партнера причинам, например в связи с изменением национального законодательства.

Риск военных действий и гражданских беспорядков – это риски, в результате которых предпринимательские фирмы могут понести большие потери и даже обанкротиться.

Сложная динамика некоторых глобальных процессов экономического и политического характера, функционирование мирового рынка капиталов и энергоносителей, мировой банковской системы и глобального обмена товарами и услугами, тенденция к некоторой синхронизации международных экономических процессов обуславливают необходимость анализа *мегариска*, сценариев развития геополитических рисков.

Политический риск обуславливается множеством факторов неопределенности, вызванных недостаточной рациональностью политики, с одной стороны, сложностью и обширностью этой области – с другой. В качестве таких факторов некоторые авторы называют:

– *экономические*, связанные с тем, что причиной политического риска может стать отсутствие необходимых денежных ресурсов для проведения тех или иных реформ, отсутствие развитой и стабильной экономической инфраструктуры, неликвидность государственных акций предприятий, отсутствие четкой экономической программы, прямых инвестиций в страну, непродуманная валютно-кредитная политика и т. д.;

– *информационные*, к которым относятся отсутствие четкой и полной информации обо всех текущих политических процессах, недостаточность анализа политической ситуации в целом, неадекватное реагирование властей на нее, отсутствие четкого подсчета приобретений и утрат, непонимание и игнорирование интересов других участников политических действий и т. д.;

– *социальные*, вызванные нестабильностью, агрессивностью и радикализмом проводимого политического курса, деятельностью отдельных политических институтов, низкой поддержкой населения проводимой политики, политическими, этническими и другими конфликтами, безработицей, тяжелым экономическим положением, наличием множества нерешенных социальных проблем;

– *персональные*, связанные с личностью политика, неустойчивостью его поведения, склонностью к автономии без учета коллективного характера политических действий, повышенной склонностью к риску. Правда, нужно отметить, что некоторые политики более эффективны именно в необычных и опасных ситуациях, ощущают удовольствие в них и иногда их сами же и создают;

– *правовые*, обусловленные тем, что зачастую политический риск возникает вследствие правового и морального нигилизма, невыполнения принятых условий политических взаимодействий и коммуникаций, нарушения требований закона и норм соглашений, имеющих морально-политический характер.

Предупреждение нежелательных событий на уровне микрориска требует от субъектов политической и экономической деятельности глубоких знаний относительно тенденций развития отдельной страны и мирового сообщества в целом. Междисциплинарные и трансдисциплинарные стратегии современной науки, ее ценностные и антропологические повороты, переосмысление сути, принципов и моральных устоев демократии, диалог либеральных и традиционных ценностей, национальных и глобальных приоритетов оказывают фундаментальное влияние на понимание природы риска в современном мире. В контексте междисциплинарной и синергетической методологии политический риск характеризуется следующими свойствами.

Альтернативность и нелинейность политического риска, проявляются в многовариантности и открытости возможных сценариев реализации политической, экономической и социальной ситуации на различных уровнях в условиях реального выбора.

Универсальность риска характерна для политических решений любого уровня – от избирательных кампаний при голосовании за отдельного кандидата до радикальных трансформаций национальных государств и принятия решений на глобальном уровне.

Иерархичность характеризует политический риск с точки зрения принятия решений на различных структурных уровнях: микро-, макро-, мегариски.

Системно-синергетический характер политического риска заключается в его способности выступать как в качестве самостоятельного фактора политики и экономики, так и одновременно являться элементом системных кризисов и рисков различных видов: социального, коммерческого, инвестиционного, экологического и т. д.

Противоречивость политического риска, которая проявляется в диалектическом взаимодействии *позитивного* и *негативного* векторов реализации в конкретных социальных ситуациях принятия решений, *коллективного* (направленность на реализацию групповых политических интересов) и *индивидуального* (стремление политических субъектов к лидерству, использование политиками различных технологий власти), *объективного* (реальная политическая и экономическая ситуация в стране, регионе) и *субъективного* (личностное восприятие и интерпретация полученной информации о происходящих событиях, политиках и т. п.), *национального* (оценка социально-политического и экономического статуса отдельных государств) и *глобального* (геополитические модели устройства мира в контексте глобализационных процессов) и т. д.

Неопределенность и непредсказуемость политического риска проявляются в отсутствии четко обозначенных процедур и общепринятых методов организа-

ции социально-политических действий и принятия решений в силу открытого характера объективно сложившейся ситуации в политике и экономике и дефицита информации, времени и т. д. «здесь и сейчас».

Вероятность (вероятность достижения желаемого результата – выигрыша, удачи; вероятность получения нежелательного исхода – неудачи, потери, болезни; вероятность корреляции цели в случае ее трансформации в процессе рискованной деятельности).

Управляемость и *оптимизация* политического риска заключаются в возможности и необходимости эффективного регулирования им на основе синтеза и интеграции качественных и количественных экспертных подходов в оценке социально-политической ситуации, рациональной и психологической подготовки субъектов принятия управленческих решений на различных уровнях.

Таким образом, риск представляет собой такой вид деятельности, который осуществляется в ситуациях обязательного выбора, нацеленного на снятие неопределенности и на вероятностное достижение желаемого результата (выигрыша), альтернативой которому может выступать вероятность неуспеха (неудачи, проигрыша), обуславливавшие вероятность трансформации поставленной цели (как с положительным, так и с отрицательным векторами).

Исследование закономерностей рискованного мышления является междисциплинарной проблемой, имеющей не только теоретическую, но и практическую, прикладную значимость в самых различных сферах. В этом отношении можно говорить об экономическом и коммерческом, технологическом и экологическом риске, исследовать механизмы личностного и социального риска, политического и стратегического риска.

Для анализа оценки политического риска в международной деловой практике разработаны *различные прикладные модели*, отличающиеся друг от друга по уровню исследования (мега-, макро- и микрориск), по направленности (ориентированные в большей или меньшей степени на экономическую или политическую среду) и т. д. Задача прикладных исследований риска состоит в том, чтобы снизить остроту неопределенности, предусмотреть возможные негативные и позитивные ее последствия. Мониторинг политического риска нацелен на защиту зарубежных инвестиций компаний путем прогнозирования возможных рисков, возникающих в политической среде.

Составление временных рядов экономического, демографического, связанных с внешней торговлей, внешним долгом страны и других индикаторов или индексов характерны для *количественного подхода*. Сравнимость и объективность используемых индикаторов – несомненная заслуга данного подхода.

Среди факторов, влияющих на оценку рисков, выделяют: *материальные ресурсы* (капитал, трудовые ресурсы, профессиональные навыки, культура управления, технологии, природные ресурсы); *социально-политические факторы* (социальная неоднородность, расслоение общества, распределение дохода, политическая система, внутренние конфликты, легитимность правящей элиты, роль военных, земельные реформы, репрессии); *политика правительства, входящая в состав социально-политических факторов* (цели, финансовая политика, денежная политика, промышленная политика, политика занятости, торговая политика, инвестиционная политика, структурная политика, внешняя политика, политика доходов); *международные факторы* (геополитические, цены на нефть, цены

на товары, валютные курсы, процентные ставки, инфляция, торговые тенденции) [Страновой... 2008].

Составление рейтинга стран по уровню риска включает в себя несколько этапов:

- выбор переменных (политическая стабильность, степень экономического роста, степень инфляции, уровень национализации и др.);
- определение веса каждой переменной (максимальный вес имеет переменная политической стабильности);
- обработка показателей по методу Delphi с использованием экспертной шкалы;
- выведение суммарного индекса, теоретически располагающегося в пределах от 0 до 100 (минимальный индекс означает максимальный риск и наоборот) [Там же].

Смешанный (комбинированный) подход синтезирует информацию экспертов и объективные данные, обеспечивая тем самым формирование наиболее оптимальной модели к исследованию политического риска.

Сравнительные рейтинговые системы, использующие схожие методологии, разрабатываются консалтинговыми фирмами Frost & Sullivan (the World Political Risk Forecast), Business International и Data Resources Inc. (Policon). Большинство из них доступны в режиме онлайн и, как в случае с Policon, пользователи могут исключать вес различных переменных либо включать свою собственную оценочную информацию. Большим шагом вперед стало создание банков политических данных (World Handbook of Political and Social Indicators). На поле «экспертного» рейтинга известна Futures Group, отчеты которой, Political Stability Prospects, сочетают данные наблюдений в формальных моделях с экспертными оценками для создания индексов стабильности по вероятностному распределению. И. А. Подколзина указывает и на две финансово ориентированные рейтинговые системы: Institutional Investor's Country Credit Rating и Euromoney's Country Risk Index, охватывающие 109 и 116 стран соответственно. В модели Euromoney рейтинг странового риска составляется путем комбинирования набора индикаторов типа Лондонской ставки предложений по межбанковским кредитам (LIBOR), первичного ценообразования, межбанковских кредитов и т. д. [Подколзина].

Геополитические сценарии: от классической к постклассической глобальной геополитике

Глобализация мировой истории, сопровождающаяся обострением социально-политических рисков, кризисных ситуаций в экономической, финансовой, социально-политической, экологической и социально-духовной сферах современного цивилизационного развития, выдвигает на передний план проблему регулирования стихийных процессов в целях выживания человечества в новых условиях существования [Чумаков 2010: 6–7].

Глобальные трансформации, характерные для современной экономики, политики, социокультурного пространства, увеличивают степень социально-политического риска, повышают вероятность непредвиденных событий, инициируют рост *геополитического риска* с такими его угрожающими компонентами и последствиями, как риск завоевания государства, риск распада государства под воздействием внешних сил, по крайней мере – риск снижения суверенитета государ-

ства как его способности отстаивать свои интересы на международной арене, запуская механизмы внутреннего риска [Глуценко 2000].

Интегративные тенденции в культуре, политике, экономике конца XX – начала XXI в. сопровождаются глубокими качественными изменениями в содержании и структуре аналитико-методологической рефлексии по сравнению с ее предшествующими формами, требуя выявления механизмов геополитических и страновых рисков в различных сферах и состояниях глобальной культуры, фундаментальных жизненных смыслов ее универсалий, осуществления междисциплинарного синтеза различных знаний, чтобы затем представить в сжатом виде философско-категориальную матрицу человеческого бытия на изломе, позволяющую прогнозировать возможные риски и управлять ими.

Будучи междисциплинарной областью, *классическая геополитика зафиксировала ряд закономерностей, ставящих перед субъектами государственной власти вопросы как теоретического, так и практического плана, обуславливая тем самым их взвешивание и сдержанность в принятии политических решений и рисковом поведении* [Яскевич 2011: 153–154]. История продемонстрировала при этом свои жесткие выводы, показывая, что даже слишком большая геополитическая мощь не создает реальных предпосылок для контроля над бесконечно большими пространствами, а известные истории попытки установления мирового господства (Александр Македонский, Чингисхан, Наполеон, Гитлер) приводили к неизбежному краху. Геополитика как наука в ее отношении к власти установила, что иногда преимущества получает тот субъект, который *контролирует геостратегически-ключевые точки пространства, а сила и слабость геостратегического субъекта зависят от его склонности к риску, от степени его самодостаточности и умения контролировать ключевые точки*. Было показано, что потеря контроля над пространством одним геополитическим субъектом всегда означает его приобретение другими; стабильность, устойчивость и безопасность геополитического субъекта обеспечивается некоторым оптимумом подконтрольного пространства в силу того, что чем шире пространство, тем труднее оно поддается управлению со стороны субъекта. *Контроль же над пространством теряют те геополитические субъекты, которые не обладают необходимыми и достаточными возможностями для завоевания и удержания территории, не демонстрируют необходимые признаки самодостаточности* [Семенов 1994: 63–68].

Важной характеристикой геополитики является ее проектная направленность, то есть геополитика исследует географическое пространство исключительно с целью политического проектирования, связывая проектность или с формулировкой и обслуживанием пространственных запросов государств (О. Мауль), или с усмотрением возможных политических и географических целостностей более высокого уровня, чем государства (Дж. Паркер). Из совокупности разнородных данных в геополитике выстраиваются такие образы географических ансамблей, которые в данный исторический момент приобретают актуальный политический смысл. *Технологии геополитики опираются как на способы преобразования географических регионов в явления политические – государства, союзы, буферные зоны и т. п., так и на методы низведения политических образований до уровня «чистой географии», типа переработки государств в «населенные территории», «проблемные зоны».*

С точки зрения современных геополитических исследований классическая, например тойнбианская, модель цивилизационного развития в виде пяти локальных цивилизаций (индо-буддийская, китайско-конфуцианская, арабо-мусульманская, западно-христианская, славяно-православная) с присущим им миром духовной культуры, равным положением перед лицом истории, правом на рождение, жизнь и смерть не оставляет места европоцентризму и дополняется идеей взаимодействия, взаимозависимости, единства современного мира в контексте глобализационных процессов. Вместе с тем формируются и концепции о доминировании, подчинении, установлении мирового порядка, контроле со стороны крупных геополитических центров по отношению к современному миру. Концепция, например, мир-системного анализа *И. Валлерстайна* отталкивается от того, что в XVI в. борьба мир-империй, основанных на политическом властвовании, и мир-экономик, основанных на торговле, завершилась в Европе победой последних, становлением современной мир-капиталистической системы и поэтапным перемещением центров силы из Испании в Голландию, далее в Великобританию и наконец в США. Анализ 500-летней динамики позволил Валлерстайну выявить ряд закономерностей: страна-гегемон обеспечивает свою геополитическую и идеологическую защиту под лозунгами свободной торговли и идей либерализма; развитие, как правило, начинается с агропромышленной сферы; наибольший подъем приходится на этап торговли; переход на этап банковско-финансовых операций означает утрату гегемонии. Приверженность однополюсному миру, европоцентристский дух данной модели во многом компенсируется за счет прогнозистического ее компонента, фиксирующего перемещения мирового центра силы в XXI веке в Азиатско-Тихоокеанский регион (АТР).

Согласно концепции цивилизационно-культурологического синтеза американского исследователя С. Хантингтона, мир после конца холодной войны и развала Советского Союза будет определяться уже не идеологическим противостоянием, а взаимодействием (конкуренцией и борьбой) 7–8 различных цивилизаций (к пяти основным Хантингтон добавил еще три – японскую, латиноамериканскую и африканскую) [Хантингтон 1994: 33–57]. Как видим, автор концепции придерживается идеи множественности центров силы, конфликты между которыми, вплоть до войны (возможно, мировой), будут осуществляться на стыках цивилизаций, по линиям цивилизационных разломов. Между Западом и остальным миром будет проходить главная ось международных отношений, западные страны при этом будут играть все меньшую роль. Цивилизационный разлом проходит и через США, результатом его может стать «разрушение Америки». Отмечая разрешающие механизмы цивилизационного подхода, Хантингтон подчеркивает важную роль религиозных идей и национальных политических культур в современном мире. В отношении России он предостерегает от попыток восстановления бывшего Советского Союза, отталкиваясь от традиционных идей геополитики о роли континентальной Евразии. Идеи Хантингтона относительно того, что страны Тихоокеанской цивилизации в ближайшее время потеснят США, которые за последние 30 лет «постоянно снижали свою долю на рынке машиностроения» и ничего нового, кроме микропроцессора, не изобрели, придерживается и Ж. Аттали [1993: 64].

На современном этапе *классическая геополитика*, которую называют *силовой геополитикой*, поскольку она зародилась в эпоху передела мира между империа-

листорическими государствами, трансформируется в *глобальную (цивилизационную) геополитику*, в основе которой должны стать постулаты о едином историко-культурном пространстве, многообразии геочивилизаций, толерантности идеологий, политических культур, конфессий, переход от логики конфронтаций и представлений о войне как продолжении политических отношений к логике компромисса и сотрудничества. В рамках глобальной политики осуществляется антропологический поворот, в соответствии с которым человек выступает как один из важнейших географических факторов геополитики, гуманизм здесь оборачивается к вопрошаемому мыслителю новой гранью – это уже не прометеевский гуманизм единого дома на Земле. В пространстве глобальной геополитики человек не может и не желает оставаться слепым исполнителем геополитических законов, человек – это и носитель локального цивилизационного генотипа, и выразитель социокультурной доминанты в хозяйственной деятельности, языке, образе мыслей, и исполнитель политической воли [Глобальная... 2010: 11–15].

Цивилизационная матрица выступает как координатор и интегратор основных признанных современных цивилизаций (западноевропейская, арабомусульманская, индо-буддийская, конфуцианско-китайская, славяно-православная, латиноамериканская, тропическо-африканская и японская) и формируется в ответ на региональные ритмы, являясь основой кооперативного согласованного взаимодействия социальных, политических, экономических и социокультурных институтов суперсистемы.

Пришедшая на смену *Вестфальской геополитической эпохе* мировой истории (1648–1814), основанной на принципах баланса сил и национального суверенитета, *Венской* (1814–1914), приведшей к утверждению многополярного мира на евразийском континенте, *Версальско-Вашингтонской* (1919–1939), в рамках которой реализовались итоги Первой мировой войны и возникло первое в мире социалистическое государство, *Ялтинско-Потсдамской* (1945–1991), связанной с победой СССР в Великой Отечественной войне, коалицией СССР, США и Великобритании во Второй мировой войне, зарождением мировой системы социализма и установлением биполярного мира, так называемая *Беловежская геополитическая эпоха* (1991, Post-Cold-War era), наступившая после распада Советского Союза и мировой системы социализма, ознаменовала завершение холодной войны с претензией США на утверждение однополярного мира. Сегодня эта эпоха должна во имя сохранения и выживания человечества трансформироваться в *глобально-коммуникативную геополитическую эпоху мировой истории* с моделями диалога культур и цивилизаций, народов и религий, несиловой моделью принятия решений на национальном и глобальном уровнях, идеалами взаимоуважения и толерантности, согласия и сотрудничества, несмотря на пока еще реальные сценарии и прогнозы относительно конфигурации современного многополярного мира с экономическими, политическими, военными и цивилизационными «полюсами» и «центрами силы» [Ильин 2007].

Постклассические геополитические сценарии основываются в своих подходах на том, что геополитический субъект должен сочетать при создании различных моделей мирового развития универсальный (мировой), региональный (цивилизационный) и страновой (государственный) векторы безопасности. Ясно, что национальные интересы государства представлены достаточно фундаментально на национально-государственном уровне. Как решить проблему соотношения без-

опасности на трех названных уровнях при учете цивилизационно-культурологической динамики и общечеловеческих интересов? Такого рода вопросы требуют от современного геополитического субъекта рационально-взвешенной позиции в духе идей глобальной единой мировой истории, определенной интуиции и навыков рискованного поведения.

Сегодня аналитики, подчеркивая своего рода «разломы» по линии Восток – Запад, актуализируют феномен «дипломатической революции», поводом для которой становится экономический подъем Китая, а причиной – его военное возвышение, начавшееся в последние годы и не контролируемое даже самим политическим руководством Китая. Эдвард Люттваг, выдающийся американский историк и политолог, специалист по политической и военной стратегии, по теории международных отношений, старший советник Центра стратегических и международных исследований США, отмечает, что на протяжении последних лет китайцы инициировали не только серьезные споры и размолвки с Индией, Вьетнамом и Японией, но и стратегически противопоставили себя США, начав строительство военного флота. Вместе с тем Китаю следовало бы принять в расчет, что три азиатских государства – Япония, Индия и Вьетнам – вместе взятые имеют больше жителей, больше финансовых ресурсов и больше современных технологий, чем Китай, и ничто им не мешает через очень короткое время создать вооруженные силы вдвое более сильные, чем Китайская народная армия [Люттваг 2011: 5–18].

Модернизация Индии в первой половине XX в. осуществлялась в основном по модели перенятия западных артефактов при значительном сохранении традиционных структур, формирования местной буржуазии и становления демократических институтов. Однако вестернизация Индии не приводила к прерыванию традиции. Неведомые ранее индийской цивилизации формы и ценности демократии, за которые выступал конгресс, «вписывались» через архетипы национального сознания, индийское религиозно-философское наследие, и в частности благодаря концепции ненасилия Махатмы Ганди.

Конец Второй мировой войны явился определенным рубежом в трансформации Востока. Авторитарно-военная модель Японии потерпела под ударами союзников крах, модернизация страны стала развиваться под контролем американцев. В Китае же нашли отражение две модели: первая, ориентированная на агрессивное отторжение традиционных структур с последующей борьбой за торжество западных, победила с установлением Китайской Народной Республики, вторая, связанная с перенятием западных артефактов при значительном сохранении традиционных структур, утвердилась на Тайване. Обе модели, родившиеся в результате смуты, в 1949 г. появились на свет в качестве определенных осей координат государственности. Индия приобрела независимость именно в рамках национальной модели, заимствующей западные артефакты.

Для первого этапа трансформации Востока начала 50-х – рубежа 80–90-х гг. XX в. характерны три группы цивилизационных переломов и феноменов. Одна из групп – *строительство небывалой, невиданной цивилизации на основах коммунистического эсхатологизма*. Начавшись с грандиозной победы революции в Китае, радикально изменившей и мировой баланс сил, и мировой цивилизационный баланс, коммунистический эсхатологизм перекинулся в Северную Корею и Индокитай. *Вторая группа феноменов трансформации Востока этого этапа определила*

развитие по квазиазиатскому пути с привнесением рыночных отношений, либеральных институтов, интеграции в мировое сообщество. Экономический скачок Японии, Южной Кореи, Сингапура объясняется не только волшебной силой рынка, но и абсолютной подчиненностью личности интересам высших структур. Третья группа феноменов, вовсе не обозначающая отдельную группу стран, но практически присутствовавшая во всех странах Азии, может быть названа поисками своего традиционного лица в новом цивилизационном потоке. Ни одна страна не осталась в стороне от процессов поиска своего нового Я в контексте периода трансформации под влиянием Запада, определенной фрустрации, ущербности национальных азиатских Я, мучительной деперсонализации, вызванной новой цивилизационной волной.

Второй этап трансформации Азии завершился вместе с послевоенным миропорядком в целом, главным фактором которого стал планетарный распад социализма. Демократическое движение в Китае, реформы во Вьетнаме, Лаосе, дальнейшее обострение кризиса в Северной Корее знаменовали конец революционного социалистического эсхатологизма и социалистической флуктуации, как это произошло в Восточной Европе и Советском Союзе. Началась новая волна национального и государственного самоопределения. Вместе с тем сегодня произошла окончательная интеграция Азии в мировое сообщество, ибо невозможно быть изолированным от всепроникающего и всеобщего цивилизационного потока [Люттваг 2011: 12].

В настоящее время в поисках новых геополитических сценариев развития современного рискованного общества настойчиво ищутся способы преодоления негативных тенденций западной цивилизации, осуществляется обоснование путей гуманизации мира и человека, предпринимаются попытки объединения усилий общественности в предотвращении термоядерной войны, прекращении национальных распрей, сохранении окружающей среды, преодолении отчуждения человеческой личности, ее сохранении. Решение этих проблем, характерных как для современного Запада, так и для Востока, возможно только на пути признания целостности и взаимозависимости современного мира, необходимости диалога культур, их взаимообогащения, признания приоритета за поведением, ориентированным на коммуникацию и понимание, ибо XXI столетие знаменует собой духовное единство человечества, мировой истории не как абстрактной идеи, а как актуальной реальности.

Литература

Аттали Ж. На пороге нового тысячелетия: М. : Международные отношения, 1993. (Attali J. On the threshold of a new millennium. Moscow: International relations, 1993).

Гидденс Э. Ускользящий мир. Как глобализация меняет нашу жизнь М.: Весь мир, 2004. (Giddens E. The escaping world. Globalization changes our life of Moscow: Ves' mir, 2004).

Глобальная геополитика / под ред. И. И. Абылгазиева, И. В. Ильина, И. Ф. Кефели. М.: МГУ, 2010. (Global geopolitics / Ed. by I. I. Abylgaziev, I. V. Ilyin, I. F. Kefeli. Moscow: MSU, 2010).

Глушченко В. В. Теория государства и права: системно-управленческий подход. Железнодорожный : Крылья, 2000. (Glushchenko V. V. Theory of the state and law: system and administrative approach. Zheleznodorozhnyi: Krylya, 2000).

Ильин В. В. Мир GLOBO: Вариант России. Калуга : Полиграф-Информ, 2007. (Puin V. V. The world GLOBO: Option of Russia. Kaluga: Poligraf-Inform, 2007).

Люттваг Э. В политике самое важное – знать, когда нужно остановиться // Свободная мысль. 2011. № 3(1622). С. 5–18. (Luttwak E. The most important thing in politics is to know when to stop // Svobodnaya mysl. 2011. No. 3(1622). Pp. 5–18).

Пискунова Н. Г. Страновой риск и методы его оценки // Международные банковские операции. 2008. № 2. [Электронный ресурс]. URL: http://www.reglament.net/bank/mbo/2008_2_article.htm. (Piskunova N. G. Country risk and methods of its evaluation // International bank operations. 2008. No. 2. [Electronic resource]. URL: http://www.reglament.net/bank/mbo/2008_2_article.htm).

Подколзина И. А. Проблемы оценки политического риска [Электронный ресурс]. URL: http://consulting.ru/econs_art_845354567/cons_printview. (Podkolzina I. A. Problems of political risk evaluation [Electronic resource]. URL: http://consulting.ru/econs_art_845354567/cons_printview).

Политические риски [Электронный ресурс]. URL: <http://www.risk24.ru/politriski.htm>. (Political risks [Electronic resource]. URL: <http://www.risk24.ru/politriski.htm>).

Семенов В. Геополитика как наука // Власть. 1994. № 8. С. 63–68. (Semenov V. Geopolitics as science // Power. 1994. No. 8. Pp. 63–68).

Хантингтон С. Столкновение цивилизаций // Полис. 1994. № 1. С. 33–48. (Huntington S. Clash of civilizations // Polis. 1994. No. 1. Pp. 33–48).

Чумаков А. Н. Глобальный мир: проблемы управления // Век глобализации. 2010. № 2. С. 3–15. (Chumakov A. N. Global world: Problems of management // Age of Globalization. 2010. No. 2. Pp. 3–15).

Яскевич Я. С. Политический риск и психология власти. Минск : Право и экономика, 2011. (Yaskevich Ya. S. Political risk and psychology of power. Minsk: Law and Economics, 2011).